

Член Союза писателей Израиля. Родился в Молдавии. Участвовал в республиканских конкурсах Союза журналистов и Мин. культуры Молдавии (2, 3 места), в конкурсе на лучшее произведение, посвященное 150-летию г. Кагула (1 место). В 1995 г. вышла в свет книга прозы и стихов «У памяти в долгу». Имеет более семидесяти публикаций в израильских литературных журналах, газетах. Изданы книга прозы «Посредник», роман «Долгая дорога домой», книга избранных произведений на иврите (проза, поэзия). Призёр конкурса «Человек года-2011»- номинация «Литература» - Ашдод.

Леонид Нузброх

Проза

Бегство (1941)

После бегства румын на все руководящие посты в Скулянском уезде были назначены приехавшие из России коммунисты. За время своего пребывания в Скулянах они быстро прибрали к рукам всё имущество в домах и магазинах, оставленное бежавшими румынами, и теперь в спешке грузили награбленное на машины: мебель, ковры, люстры, галантерею – всё, имевшее хоть какую-нибудь ценность, и покидали город. На вопросы местных жителей, что происходит, звучал один ответ: «Ничего не происходит: это немецкая провокация! Разойдитесь по домам и не сейте панику. Вы знаете, как поступают с паникёрами? Расстреливают!».

Всё же власти пытались хоть как-то организовать оборону. Мужчины, способные носить оружие, были мобилизованы в отряды для отпора немецким и румынским войскам, если те перейдут границу. Старший сын Хаима Мойше получил задание сидеть на почте у телефона. На случай, если поступят какие-нибудь сообщения. Младший же, Шая, ещё в апреле прошёл медицинскую комиссию и осенью должен был призваться на офицерские курсы. Он и ещё несколько добровольцев пошли в воинскую часть, получили винтовки с патронами и бегали по Скулянам в поисках диверсантов. В восемь часов утра домой к ним прибежала Хана – девушка, с которой дружил Шая.

– А где Шая?

Узнав, что Шая не дома, она расплакалась.

– Ханочка, ну что ты, не плачь, ты же знаешь Шаю: носится где-то по Скулянам. Никуда не денется: проголодается – прибежит домой как миленький! Идём пока ко мне, поговорим, – успокоила её Сима и увела к себе в комнату. Только вошли, – посыпалось оконное стекло, и пуля, пролетев комнату, влетела в противоположную стену. Сима испугалась и схватилась за живот:

– Ой, рожая!

– Тётя Сосл! – Хана выскочила из комнаты. – Тётя Сосл! Сима рождает!

Сосл быстро собрала дочери необходимые в таких случаях вещи, и Адела с Ханой повели Симу в больницу. Над ними, надрывно гудя моторами, пролетели немецкие бомбардировщики. Вскоре донеслись взрывы: немцы бомбили эшелоны на станции.

Закончив осмотр, акушерка сказала:

– Рожать ты будешь Сима не сейчас, а вероятней всего, недели через две, когда исполнится девять месяцев. – А потом добавила, – если хочешь, останься на эти дни у нас в больничной палате.

– Нет-нет, что вы, я пойду домой: семья будет волноваться!

На полпути к дому в небе снова раздался гул: закончив бомбить станцию, возвращались немецкие самолёты. Многие жители, особенно мальчишки, вышли из домов и, задрав головы, с любопытством смотрели в небо. Неожиданно самолёты резко спустились и стали обстреливать улицы из пулемётов. Началась паника. Все бросились бежать кто куда, скрываясь от пуль, но Сима бежать не могла. Поддерживаемая с двух сторон под руки Аделой и Ханой, она медленно шла по опустевшей улице.

Дома они увидели жену Мойше Риву с тремя насмерть перепуганными детьми. Семья Мойше жила ближе к центру, и их дом попал под артиллерийский обстрел.

Хаим понял, что бездействовать больше нельзя. Сначала побежал к жившему на соседней улице секретарю горисполкома.

– Ион, пожалуйста, верни нам наши паспорта. Я хочу на пару дней отправить женщин подальше от границы: ты же видишь, что творится.

– Хаим, ты что, смеёшься?! Сегодня же воскресенье, выходной день! Горсовет закрыт. Это надо идти к уборщице, брать ключи. Целая история. Если тебе так сильно нужны паспорта – приходи завтра с утра в горсовет, и я их тебе верну, – сказал секретарь и закрыл дверь прямо перед носом Хаима.

И потом, уже через закрытую дверь: – Но сразу предупреждаю: штампы ещё не поставили!

Постояв в раздумье у запертой двери, Хаим махнул рукой и пошёл домой.

– Ну что, папа, дядя Ион вернёт паспорта? – спросил ожидавший отца у калитки Менаше.

– Да, вернёт. Но только завтра.

– Завтра?! – удивлённо переспросил Менаше. – А почему не сегодня?

– Он сказал, что у него выходной.

– Выходной?! Сегодня?! В такой день?!

– Да. Выходной. А что тут удивляться? Им, молдаванам, нечего переживать: немцы их не тронут, а с румынами они вообще двоюродные братья! Или троюродные? Кто их разберёт... А вот нам, евреям... – Хаим тяжело вздохнул, – знаешь что, Менаше, я думаю, давай не будем надеяться на «авось»: запрягай-ка ты лошадей, заведи женщин и увези их подальше отсюда.

– Отвезти? Куда?

– Куда? Да всё равно куда, лишь бы подальше от границы. Ну, хотя бы в село, где живут Сима с Монеи. А когда подойдут советские войска и всё успокоится, привезёшь обратно. Хорошо?

– А как же вы? Вы что, останетесь здесь? Случись что, вам даже не на чем уехать отсюда!

– Ты прав... – войдя во двор, Хаим затворил за собой калитку и повернулся к Менаше. – Знаешь, сын, вот что я думаю: вы всё время звоните Мойше на почту. Если положение станет хуже, мы тебе скажем, и ты приедешь за нами. Понял? А я завтра с утра всё же пойду в горсовет и заберу паспорта. На всякий случай.

– Папа, но почему я?! – Менаше очень был привязан к отцу, и ему не хотелось с ним расставаться. – У Мойше едет жена и трое детей, у Шай – его девушка Хана, а они оба почему-то остаются здесь, в Скулянах. Не хочу я ехать, я тоже хочу остаться с тобой!

– Менаше, сынок, ты что – шутишь?! – Хаим искоса глянул на сына и грустно улыбнулся. – Разве Мойше или Шае можно доверить лошадей?!

Собрались быстро. Женщины сели, и подвода выехала со двора. При первой же возможности, Менаше позвонил на почту:

– Ну, Мойше, как там у вас?

– Всё по-прежнему, Менаше. Стреляют. Ты делай, что тебе папа велел: увези подальше женщин. Это развяжет нам руки, – голос старшего брата показался

Менаше спокойным и уверенным. – Вернёшься только тогда, когда мы тебе скажем. За нас не переживай. Если что – выкрутимся!

Заехав в очередную деревню, Менаше подъехал к сельсовету и снова позвонил Мойше. Но там уже никто не отвечал. Менаше был в растерянности. Он не знал, что предпринять. Бежать дальше? Возвращаться? Рива плачет: «Что с Мойшей?», – её дети, глядя на маму, тоже плачут, Хана льёт слёзы: «Нет Шай!», – Сима стонет, вот-вот будет рожать...

К сельсовету подъехала полуторка с солдатами. Офицер забежал в сельсовет. Через открытое окно было слышно, как он с кем-то ругается по телефону.

Потом, уже открыв дверь кабины, офицер повернулся в сторону подводы:

– А вы чего ждёте? Особого приглашения?! Передовые части немцев в трёх километрах отсюда!

Полуторка уехала. Когда пыль рассеялась, Менаше взял в руки вожжи, и подвода снова тронулась в путь.

В село, где жила Сима, приехали поздно ночью. Отворив ворота, Менаше завёл лошадей во двор.

– Передохнём немного и поедем дальше, – сказала Адела. – Осторожность не помешает.

– Нет, Адела, здесь мы остановимся на ночлег. Люди, быть может, без отдыха смогут, но лошади – нет! – твёрдо сказал Менаше, снимая сбрую. – А если мы потеряем лошадей... и, кроме того, немцы тоже не из железа: должны же и они спать!

– А если ты ошибаешься? Ты представляешь, что с нами будет?

– Не ошибаюсь. Я отслужил три года в румынской армии и поверь, знаю, что говорю: ночью солдаты спят.

За день все так устали, были так издёрганы и измотаны, что легли спать, не поужинав. Сима с Сосл легли на кровать, а для остальных расстелили на полу вещи. Адела долго крутилась с боку на бок, мешая заснуть остальным.

– Что, Аделочка, «аз мэ лэйгтзих ун вэчэрэ, из нидэрик дэр фаркопнс?»* – спросила Сима и улыбнулась.

– Ничего, «вэр вил – дэр кен»**, – ответил за сестру Менаше и задул лампу.

Среди ночи в дверь постучали: вернулся Моня.

– Железную дорогу разбомбили, и я вместе со всем начальством гороно шёл с Бельц пешком. Представляете?! Моё начальство шло с Бельц пешком! Это надо было видеть! Если бы кто-нибудь вчера сказал мне, что такое возможно, я посчитал бы его сумасшедшим! Что творится, что творится... Рано утром Менаше вышел во двор напоить и запрячь лошадей. Село ещё спало. Набрал

в колодце ведро воды. Присев на корточки, наклонил ведро и напился. Вода была холодной и приятной на вкус. Менаше пил медленно, смакуя каждый глоток. Потом поднялся, подошёл к лошадям. Держа ведро на весу, чтобы лошади не пришлось наклонять голову вниз, огляделся. Было удивительно тихо. И в этой окружавшей его тишине события вчерашнего дня стали казаться какими-то нереальными, придуманными, приснившимся страшным ночным кошмаром. Словно зачарованный, Менаше не мог оторвать взгляд, глядя, как в нескольких метрах от него, под старой ветвистой акацией, три неугомонных воробья шумно спорят из-за нескольких просыпанных зёрен овса.

Напившись, конь положил голову на плечо Менаше и, привычно тряся скулой о его щеку, что-то тихо прохрапел в ухо. Менаше очнулся. Любовно потрепал коня по холке и улыбнулся, увидев, как второй конь косится и нетерпеливо перебирает копытами.

- Ну что ты, что ты, нехорошо ревновать. На вот, бери, ешь, – Менаше достал кусочек сахара из кармана. Конь осторожно губами подобрал сахар с его ладони и громко захрустел, разжёвывая.

- Нужно позвонить в Скуляны, – подумал Менаше, затягивая хомут. – Может, там всё уже кончилось и можно возвращаться назад? - За спиной послышались шаги. Менаше оглянулся. Перед ним стоял Мойше. Он был растерян.

– Мойше, ты как сюда добрался? А где папа, Шая? Что с ними? Они остались в Скулянах, а тебя прислали за нами? Мы едем обратно?

– Не знаю я, Менаше! – Мойше неопределённо пожал плечами и махнул рукой. – Они появились так неожиданно...

– Кто – «они»? – Менаше никогда прежде не видел брата в таком подавленном состоянии.

– Немецкие солдаты. Когда я их увидел в окно, то просто оторопел, потерял дар речи от страха. Они шли себе спокойно по улице с автоматами наперевес, громко переговаривались между собой и смеялись. Словно ничего не происходило. Как будто, так и должно было быть... И от этого становилось ещё страшней... На моё счастье почта, где я дежурил у телефона, стоит на краю Скулян. Улучив момент, я огородами незамеченным выбрался из города и, петляя полями всю ночь, пришёл сюда...

Смешавшись с другими беженцами и отступавшими солдатами, подвода тронулась в сторону Фалешт. Неожиданно в небе появились два немецких самолёта и открыли огонь. Началась паника. Кинув вещи, все бросились

прятаться в поле. Отстрелявшись, самолёты улетели. Но прошло минут сорок, и немцы появились снова. На этот раз в небе над колонной кружили уже четыре истребителя. Со всех сторон были слышны истошные крики, плач, стоны раненых, а самолёты всё кружили и кружили в небе, словно коршуны, стреляя по людям, подводам, лошадям... Наконец этот ад закончился. Убедившись, что самолёты улетели, люди вышли опять на дорогу. Один из солдат посмотрел несколько раз на беременную Симу, потом, решившись, подошёл к подводе:

– Скажите, ну зачем, зачем вы идёте с нами?! Мы – солдаты! Если мы погибнем под обстрелом – что ж, такова наша солдатская судьба, – при этих словах он кивнул в сторону колонны. – А вы, двигаясь рядом с нами, подвергаете опасности и свою жизнь, и жизнь будущего ребёнка. Ехали бы вы лучше другой дорогой!

– Ты, конечно же, прав, и спасибо тебе за заботу, – Менаше грустно улыбнулся. – Но это ничего не меняет: другого пути всё равно нет.

Фалешты забиты беженцами. Объехав полями, остановились в первой же деревне за городом. Расположились в тени акаций у колодца, напились колодезной воды и, молча, разлеглись на пыльной траве прямо у подводы. Менаше распряг и напоил лошадей, дал овса. От жары, обстрелов и неопределённости все так устали, что даже говорить не хотелось. Первым нарушил молчание Мойше:

– Я думаю, мне надо вернуться.

– Куда, Мойше? – не поняла Рива.

– В Скуляны.

– Вернуться? – Рива побледнела. – Что ты говоришь?! Ты хочешь бросить меня с детьми и вернуться в Скуляны?!

– Рива, что значит – «бросить меня с детьми»? Ты так интересно говоришь! Я что, оставляю вас одних на дороге? Вы едете с моей мамой, с Симой, Аделой, Ханой, Менаше, Моней... И это ты называешь бросить?

– Мойше, я не пойму: зачем ты это делаешь?! – тихо проговорил Менаше. – Ты что, не видишь, что творится? Не стоит в такое время разлучаться с семьёй.

– Вижу, Менаше, конечно вижу. Я же не слепой. Но поступить иначе не могу! – убеждённо проговорил Мойше, глядя в сторону.

– Брат, ты хорошо подумал? Разве тебе не страшно? – спросила Сима, кривясь от боли.

– Возвращаться? Очень страшно! Но ещё страшней – не вернуться!

– Почему?! У тебя с головой всё в порядке? Может быть, ты перегрелся на солнце? – чтобы лучше видеть брата, Сима осторожно повернулась на бок. Движение вызвало боль, и она стиснула зубы, чтобы не застонать.

– Не волнуйся, в своём уме, в своём, – видя, что родные его не понимают, Мойше начал злиться. – Как вы не хотите понять: я должен был сидеть у телефона, а сам удрал!

– Ну и что?! Тоже мне невидаль – удрал! Ты же видишь, сколько людей бежит! – Моня хмыкнул, вспомнив о своём начальстве. – Даже солдаты бегут! Что же тут такого?

– Моня, солдаты не бегут, а отступают. По приказу. А я – убежал! Это далеко не одно и то же!

– Да что ты нам здесь голову морочишь! – Моня вскочил на ноги. – Если на то пошло, ты ведь вообще не солдат! Понимаешь: не сол-дат!

– Ты ошибаешься: меня мобилизовали! То, что мне не выдали форму и оружие – абсолютно ничего не значит! Мне приказали сидеть у телефона. Я должен был обеспечить связь. Вот и надо было сидеть. Что бы ни произошло. А я бросил свой пост и удрал. Без приказа. Понимаешь, Моня? Без приказа! А что это значит? А это значит, что я – дезертир! Когда это выяснится – меня поставят к стенке и расстреляют. И будут правы: началась война, а я самовольно бросил пост! Будет лучше, если я вернусь...

Мойше поднялся и пошёл назад, в Фалешты.

Прошёл час. Все молчали. Да и что тут скажешь? Разве слова могут что-то изменить, чем-то помочь? Вдруг Рива не выдержав, вскочила:

– Нет, я так не могу: я его жена, и моё место рядом с ним! Что бы ни произошло! Менаше прав: в такое время нельзя расставаться! – и, повернувшись к детям, – Вставайте, дети! Мы идём к папе! Ну, вставайте же, вставайте!

Двое старших нехотя поднялись на ноги. Рива, прижав младшего ребёнка к груди и даже не взяв ничего из вещей, пошла в сторону Фалешт.

– Г-споди! Что за день сегодня: все как будто сошли с ума! – Менаше поднялся. – Рива, стой! Я запрягу лошадей и отвезу вас в Фалешты: думаю, Мойше ещё там.

– Раз Шая с нами не поехал, я тоже возвращаюсь с Ривой и Мойшей в Скуляны! – сказала Хана и села в подводу. Менаше лишь махнул рукой...

Когда Менаше вернулся из Фалешт, к нему подошёл Моня:

– Нашли Мойше?

– Да, нашли.

– И что он говорит? Не передумал?

– Нет.

– По-прежнему намеревается вернуться в Скуляны?

Менаше не ответил. Он отвёл лошадей в тень, лёг на траву рядом со всеми и закрыл глаза.

– А что вообще говорят? Армия подошла? Их остановили? Отбросили? Что делать нам, Менаше? Бежать дальше? Возвращаться?

– Ой, Моня, ты задаёшь такие вопросы! – Менаше вздохнул. – Никто ничего толком не знает. Никто. Но дороги забиты. Люди бегут. Думаю, нам тоже надо с ними. И чем быстрее мы двинемся в путь – тем лучше...

Темень. Не видно ни зги. Лишь несколько метров земли, очерченной по бокам подсолнухами, а дальше – чернота. Ни неба, ни луны, ни звёзд. И так душно, что кажется, вот-вот задохнёшься. Менаше отпустил вожжи, доверившись инстинкту лошадей, которые уверенно шли по просёлку. Где-то сбоку, в темноте – шоссе на Домбровец, но ехать по просёлочной дороге намного безопасней: она не освещалась фарами машин, и немцы её не бомбили.

Подул ветерок. Почти не ощутимый, он сразу же растворил духоту. Путники облегчённо вздохнули. Вдруг, подняв дорожную пыль, налетел ветер и закружил, закружил, не давая вздохнуть. Ослепительный зигзаг молнии разрезал небо, моментально - рассыпчатый, оглушающий треск грома, и первые капли дождя, редкие, крупные, с хлюпаньем стали нырять в мягкую дорожную пыль. И хлынул ливень. В считанные секунды одежда промокла и прилипла к телу. Снова сверкнула молния, потом сразу ещё, ещё и ещё, осветив дорогу и растянувшуюся по ней бесконечную цепочку беженцев. Раскаты грома гремели без остановки, слившись в один нескончаемый всё заглушающий грохот. Менаше что-то сказал.

– Что? Ничего не слышу! Повтори! – прокричал сидевший рядом с ним Моня. Менаше наклонился к его уху:

– Я говорю, хорошо, что нелётная погода: мы сейчас видны, как на ладони! Немцы разбомбили бы нас в пух и прах!

– Ага... Посмотрю, что с Симой! – прокричал в ответ Моня. - Надо прикрыть её от дождя!

Дорога покрылась слоем скользкой липкой грязи. По ней змейками потекли ручейки воды, сливаясь на обочине в стекающий по склону широкий мутный поток. Пройдя ещё несколько метров, лошади остановились. Менаше слез с подводы, взял лошадей под узду и с трудом повёл их по разбухшему

от дождевых потоков жирному чернозёму. Вожжи провисли, и лошадь, что была в упряжке справа, запутавшись в них задними ногами, поскользнулась на кособоке и, не удержавшись на ногах, уселась боком в грязь. Она пыталась подняться, но копыта лишь скользили по грязи: мешала упряжь.

– Только этого нам не хватало: не дай Б-г, ногу сломала! Моня, помоги!

– Иду! – Моня, державший над головой жены свой пиджак, чтобы хоть как-то защитить её от дождя, слез с подводы. Вдвоём с Менаше они хотели помочь лошади встать, но всё было тщетно. Тогда Менаше взял лошадь за уши и потянул вверх. Скользя копытами, лошадь с трудом, но всё же поднялась на ноги.

– Смотри, надо же – сама встала! – удивился Моня. – Ну, Менаше, ты молодец! Прямо профессор по лошадям!

– Лошади не смогут идти дальше, – проговорил Менаше, не разделявший Мониного оптимизма. – Всем, кроме Симы, надо слезть и толкать подводу.

– Что ты говоришь? – не расслышала Адела.

– Менаше сказал, что «ба а филн вугн мигейт ци фис!»***

Сосл и Адела спустились на землю.

– Нет, я тоже пойду пешком, – Сима встала на землю, и сразу же тяжесть внизу живота заставила её вскрикнуть. Отпустив борт подводы, она схватилась руками за живот, сделала шаг, второй, поскользнулась и упала навзничь. Оберегая живот, выставила вперёд руки, но они разъехались по грязи, и Сима ударилась головой и плечом о землю. – Сима! – Адела наклонилась над сестрой, попыталась её поднять, но тоже поскользнулась и оказалась в грязи. Оставив лошадей, Менаше и Моня бросились к женщинам и помогли им встать. На Симу страшно было смотреть: кровь из ссадины, смешиваясь с грязью и дождевой водой, сползала по её волосам и лицу на платье. Менаше взял в подводе оплетённый стеклянный бутыль с водой и полил из него на голову Симе, смыв грязь, потом слил Аделе. Симу положили на подводу, перевязали рану и медленно, шаг за шагом, двинулись дальше. А дождь, усиливаемый шквальным грозовым ветром, всё хлестал, хлестал...

Утром въехали в Домбовец. Ливень прекратился, но небо всё ещё было покрыто свинцовыми тучами. После такой ужасной ночи людям нужно было прийти в себя, да и лошадям нужен был отдых.

– Вы будьте у подводы, а я похожу и поспрашиваю, где можно остановиться, – сказал Менаше и, подойдя к ближайшему дому, постучал затвором калитки. Но хозяев дома не было, а может, им просто не хотелось выходить на улицу в это сыкотное раннее утро. Менаше пошёл к следующему дому, потом к следующему...

Если кто-нибудь выходил, Менаше просил принять на постой, предлагал деньги, но, увы, хозяева, в лучшем случае, сочувственно кивали, но в дом не пускали. Только к обеду одна сердобольная женщина, пожалев беременную Симу, разрешила за небольшую плату несколько часов передохнуть и обсохнуть в коровнике.

Под вечер на дороге началась суматоха. Машины, подводы, солдаты, беженцы... Все суетятся, бегут...

Менаше вышел за калитку. Из проезжавшей мимо подводы крикнули:

– Что вы медлите?! Бегите, спасайтесь: фашисты в двух километрах от Домбровец!

После падения любое движение причиняло Симе боль, поэтому подвода ехала так медленно, что поток беженцев, даже пешех, обгонял их, обтекая с обеих сторон. Вдруг один из беженцев, полный мужчина лет сорока с четырьмя детьми подошёл к подводе.

– Менаше, это ты?! Привет! О, и Сосл с Аделой здесь! И Сима! Когда толпа бежала из Домбровец, мне показалось, что увидел ваших лошадей, но я не был уверен. А сейчас пригляделся – точно ваши. Их с другими трудно спутать.

– Дядя Элизэйзер?! Здравствуйте! Вот так встреча! Давно из Скулян? – Менаше соскочил с подводы и пошёл рядом. – Вы кого-нибудь из наших случайно нигде не видели? Папу, Мойше, Шаю?

Элизэйзер молчал, не зная, что сказать.

– Элизэйзер, не молчите! Что с моим мужем и детьми? Вы что-нибудь знаете? Говорите же! – Сосл почти кричала. После всего пережитого прошлой ночью нервы её были на пределе. – Почему вы молчите? С ними что-то случилось?!

– Честно говоря, даже не знаю, что и ответить. Я покинул Скуляны часа через три после вас. Когда наша подвода проезжала мимо вашего дома, то во дворе заметил Хаима, – там, где погреб, но поговорить с ним не успел. Не до того было. Я же не знал, что встречу вас, – добавил он, как бы извиняясь. Рядом с Элизэйзером шли трое его детей – мальчик лет двенадцати и две сестрички – погодки. Самая младшая девочка – не старше года – спала у него на руках. Пухленькие губки ребёнка были слегка приоткрыты, ножки безвольно свисали вниз и болтались, как маятник, при каждом шаге отца.

– Дядя Элизэйзер, положите малышку на подводу рядом с Симой. Пусть руки хоть немного отдохнут. А где ваша жена Хая? И почему вы пешком?

– Ой, Менаше, не спрашивай! – Элизэйзер вздохнул. – Когда вы покидали Домбровец, мы только-только приехали. Решили хоть пару часов дать

лошади передохнуть. Но не прошло и получаса, как на окраине началась стрельба. В панике мы быстро запрягли лошадь и бросились бежать, но не тут-то было: на выезде из Домбровец местные перекрыли дорогу и устроили погром. Они нападали на евреев, отбирали лошадей, грабили имущество, убивали... Бросив подводку с вещами, я схватил малышку на руки, и мы побежали вместе с другими беженцами в поле. За нами гнались с ножами, палками, в нас бросали камни... Вдруг моя Хая упала. Я хотел ей помочь, думал – споткнулась, но она была мертва: камень угодил ей в висок. Всё потеряло смысл.

Мне хотелось лечь рядом с женой и ждать смерти, но надо было спасать детей, и я побежал дальше. А Хаечка, моя бедная Хаечка, так и осталась лежать в поле...

* аз мэ лэйгтзих ун вэчэрэ, из нидэрик дэр фаркопнс (идиш) – когда ложатся спать без ужина, низкое изголовье (евр. посл-ца).

^{**} *вэр вил – дэр кен (идиш) – кто хочет – тот может (евр. посл-ца).*

*** ба а филн вугн мигейт ци фис (идиш) – возле полного воза идут пешком (евр. посл-ца) .

Citation: NUS - [www.Nus.edu.sg](#). Accessed by eLibrary on 08/09/2016. Reprints are allowed provided source and link remain as indicated at a separate issue.